

¹⁴ Реплика из первого действия, предвещающая появление Протесилая за трапезой перед Аидом и Персефоной: «Тени Вновь Пришедших заняли места за царским столом. Протесилай против Персефоны. Мертвое ликование» (Там же. С. 71).

¹⁵ Имеется в виду фрагмент из первого действия трагедии Сологуба:

«Далекий Вопль Прометея. Расторгну оковы — и ты погибнешь, несправедный.
Вновь Пришедшие. Чей вопль доносится к нам? Не голос ли это страдающего бога?
Шелест Камышей. Прикованный Прометей грозит богам светлого Олимпа.
Змея. Боги трепещут, но смеются» (Там же. С. 66).

¹⁶ Слова из Антистропы V хора ночных колдуний о Дионисе из третьего действия:

Тихий, кроткий, но мятежный,
Победивший смерть и ад,
Усладит он песней нежной
Вопли буйные менад.

(Там же. С. 104)

¹⁷ Имеется в виду открывающая первое действие реплика: «У темных, но широких ворот в царство Аида плещутся тяжелые волны Леты. Шелестит камыш, и шелест его иногда слагается в слова, и другие порою доносятся темные речи» (Там же. С. 63).

¹⁸ Имеются в виду обращенные к Персефоне и заключающие первое действие слова Протесилая об Аполлоне и воске: «Протесилай. Вдыхая о златокудром метателе стрел и о золотых, его светлостью упоенных пчелах, ты, великая царица, забыла тающий от огня дар мудрых пчел — воск. Как воск, тают личины. Персефона, видишь ли ты Лик?» (Там же. С. 74).

¹⁹ В рукописи описка: последняя.

²⁰ Имеется в виду заключающая трагедию Сологуба реплика: «Ликующие лучи восшедшего над землею солнца заливают всю сцену. Пламя костра пылает, подымаясь прямо кверху, яркое, но бледное. Светлою завесой от востока закрывается сцена, — завеса чистая и белая, — ясная смерть» (Там же. С. 131).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-236-239

А. М. РЕМИЗОВ. ВО ВЛАСТИ СКАЗОК

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © А. М. ГРАЧЕВОЙ)

Перед Второй мировой войной Алексей Михайлович Ремизов познакомился с Натальей Владимировной Кодрянской (1901–1983). В 1940 году вместе с мужем — успешным коммерсантом — она успела покинуть Францию и переехала в США. После войны Кодрянские жили «на две страны»: и в Нью-Йорке, и в Париже. В 1945 году Наталья Владимировна вновь появилась в квартире Ремизова в доме 7 на улице Буало. С этого времени супруги стали друзьями писателя и много материально помогали ему: оплачивали счета за квартиру и электричество, финансировали установку памятника на могиле С. П. Ремизовой-Довгелло на кладбище Банье, а в последние годы жизни Ремизова нанимали ему сиделку. Однако основной причиной духовного сближения Кодрянской и Ремизова было то, что она начала сочинять сказки. Так у писателя появилась возможность осуществить миссию «литературно-го учителя».

Ремизов стал обучать Кодрянскую премудростям своей «теории русского лада», создал для нее своеобразный рукописный учебник профессионального мастерства, озаглавленный «Как научиться писать».¹ Когда ученица находилась в Нью-Йорке,

¹ См.: Ремизов А. М. 1) Как научиться писать. [I] / Вступ. заметка, публ. и комм. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.; Салерно, 2003. Вып. 2. С. 263–291; 2) Как научиться писать (Ремесло). [II] / Вступ. заметка, публ. и комм. А. М. Грачевой // «Страна

писатель отправлял ей послания, основными темами которых были его работа над новыми произведениями и ее литературная учеба.²

В конце 1940-х годов Кодрянская решила напечатать свои произведения в виде книги, получившей название «Сказки». Вместе с В. С. Варшавским и В. С. Яновским Ремизов стал одним из редакторов задуманного издания. Как свидетельствуют сохранившиеся рукописи книги Кодрянской, он в значительной степени переписывал исходные тексты сказок своей «литературной внучки», фактически создавая *свои* редакции, основанные, пользуясь ремизовским определением, «на матерьяле». Примечательно, что потом эти тексты подвергались дальнейшей правке: его соредакторы «возвращали» текст, имевший ярко выраженный ремизовский стиль, к нейтральной литературной «норме». В 1950 году книга «Сказки» вышла из печати.³ В предисловии к этому изданию, озаглавленному «Поэзия и волшебство», Ремизов писал: «Душа Кодрянской овеяна сказкой. Откуда в ее сказках такая неправдашная жизнь и неожиданное в нашем дневном понимании? Сказке никакая книга не научит. Сказка не идет из головы, а прямо от сердца. Она сама не знает, какой омут ее сердце. Сказки Кодрянской — поэзия и волшебство. <...> В счастливый путь! От сердца говорю. Мой вам совет — люблю сказку, а слову я отдал жизнь».⁴ Он искренне радовался появлению этой книги, пропагандировал ее среди знакомых литераторов, собирал и клеивал в специальный альбом вырезки газетных и журнальных рецензий на «Сказки» Кодрянской. Для Ремизова публикация произведений ученицы была свидетельством жизнеспособности его литературной школы.

После первого печатного опыта Кодрянская сразу же начала работать над следующим сборником сказок, получившим название «Глобусный человечек». В новой книге отдельные сказки были объединены рамочным сюжетом: перед девочкой Дикси из глобуса чудесным образом появлялся «маленький смешной» «глобусный человечек», вместе с которым она путешествовала по разным странам и участвовала в сказочных приключениях. Прототипом «чудесного помощника» Дикси был друг и литературный учитель Кодрянской — сказочник Ремизов. Этот образ нашел отражение и в иллюстрациях к книге, выполненных давним знакомым писателя, приглашенным в издание по его рекомендации, художником Ф. С. Рожанковским. Как свидетельствуют письма к Кодрянской, ее литературные успехи Ремизов принимал близко к сердцу. К примеру, 18 октября 1953 года он писал: «На Покров (14–X) вспоминал, как три года тому назад (1950) вечером привезли Вашу первую книгу „Сказки“. Это был мой счастливый вечер. Я думал, что в такой же осенний вечер я получу „Глобусного Человечка“, — Вашу вторую книгу. Всю неделю ждал от Вас обещанных подарков. Всю неделю никто не заглянул».⁵ При этом интерес писателя носил действенный характер. И в данном случае он оказывал своей ученице посильную помощь, хотя и не столь существенную, как при подготовке первого сборника. Так, 4 октября 1953 года Ремизов обращался к «литературной внучке» со следующим увещанием: «То, что Вы проверяете себя по „Г<лобусному> Ч<еловечку>“ — прекрасно, но умоляю Вас — послушайте меня — никаких больше поправок. <...> И неужели Вы думаете — перелицовка фраз может что-нибудь существенно изменить. Будут варианты, что и так, и сяк можно, и не больше. <...> Короткие сказки пишите. Надо непрерывность. И понемногу присылайте мне».⁶ Кодрянская медлила в работе над книгой, и в письме от 14 января 1954 года Ремизов вновь торопил ее: «Скоро Вы получите Ваш текст. Подпишите, прошу Вас, ведь

филологов»: Проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею Н. В. Корниенко: Сб. науч. статей. М., 2014. С. 148–163.

² Впоследствии Кодрянская опубликовала их отдельным изданием. См.: *Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах*. Париж, 1977.

³ *Кодрянская Н. Сказки / Предисловие А. Ремизова; ил. Н. Гончаровой*. Париж, 1950.

⁴ Цит. по: *Ремизов А. Поэзия и волшебство // Кодрянская Н. Глобусный человечек: Сказки. Глобусный человечек. Золотой дар*. М., 1997. С. 13, 15.

⁵ *Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах*. С. 333.

⁶ Там же. С. 329.

скоро прилетят птицы. „Гл<обусный> Чел<овечек>“ изождался, просит — на волю!»⁷ Но, находясь в творческом кризисе, не удовлетворенная написанным, она продолжала исправлять текст. И все же в 1954 году «Глобусный человечек» увидел свет.⁸ В том же году после тяжелой болезни у Ремизова начался процесс стремительного ухудшения и без того слабого зрения, что в итоге привело его к почти полной слепоте. Писатель всячески поддерживал веру Кодрянской в ее литературный дар и надеялся, что сам факт публикации «Глобусного человечка» и благожелательные отзывы критики позволят его ученице обрести новые творческие силы. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие пассажи из его посланий Кодрянской от 8 сентября и 11 ноября 1955 года: «Выход „Глобусного Человечка“ откроет затвор — освободит Вас. Потом „интервью“ и отзыв. Жду чуда. Так легко меня обрадовать и улыбнуть»; «Все жду рецензии Адамовича о „Г<лобусном> Ч<еловечке>“, вырезаю и наклеиваю в тетрадь. Жду отзыва „Посева“ и „Граней“, как только получу, пошлю Вам. Каплан передает через Емельянова, что „Глобусного Человечка“ купили 100 экземпляров. Такое внимание не встретил ни один эмигрантский писатель. Вас узнают и в России теперь, а не когда-нибудь через „50 лет“».⁹

В отличие от первой, вторая книга Кодрянской вышла без предисловия Ремизова. Возможно, это было связано с его болезнями, пришедшими на время ее подготовки. Однако писатель со всей очевидностью желал поддержать издание, и не исключено, что его эссе «Во власти сказок» должно было дополнить ряд откликов на книгу. Вместе с тем на данный момент публикации этого произведения не выявлены, и вопрос, почему Ремизов не стал печатать свой текст, остается открытым. Вероятный ответ можно найти в очерке Кодрянской «Лето с Ремизовым. 1955»: «Приехав в Париж, я застала Алексея Михайловича больным. Особенно меня поразило, насколько хуже он стал видеть. Днем он одетый сидел в кресле, ночью спал, полусидя в кровати, опираясь спиной на подушки, боялся — „лягу и задохнусь“. <...> Медленно, трудно пошло выздоровление, а как стало немного лучше, ослабевший, цепляясь за дружескую руку, стал ходить из кукушкиной на кухню — пить вечный чай с подогревом. Алексей Михайлович, хоть мало, но пишет <...> „Стараюсь наладить свою безглазую работу“».¹⁰ Эссе «Во власти сказок» датировано 31 августа 1955 года, т. е. временем окончания летнего пребывания Кодрянской в Париже, когда Ремизов медленно выздоравливал после болезни. Момент расставания с ученицей отражен в тексте: «Глядя на картинку, я узнаю себя, как сновидение моего сна, и это дает мне право, расставаясь со сказочницей, сказать, ответить ей на ее „прощайте“...» Скорее всего, состояние здоровья Ремизова и было причиной того, что это эссе осталось в рукописи.

Текст эссе «Во власти сказок» публикуется по автографу из собрания РГАЛИ (Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 27) с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. М. Ремизов

ВО ВЛАСТИ СКАЗОК¹

Сказочное, нарушая всякое разумение, проникает жизнь.

А жизнь теребливая, работа толкучая, захрясает мысль — [куда только] раздуматься! Не до раздумья.

Мыслить — мысль — вымысел

думать — дума — выдумка

⁷ Там же. С. 343.

⁸ Кодрянская Н. Глобусный человечек. Париж, 1954.

⁹ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 390, 392.

¹⁰ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 27–28.

представить — представление — зрелище, <1 слово нрзб.>.

Вымысел, выдумка, зрелище —
непрерывное всякого литературного творчества,
Высшая форма творчества — сказка.

В сказке сказывается чудесное, что чутко, но мало замечательно: недосуг и некогда.

Сказка — высшая правда существования.

Жив человек — легендами и мечтой.

*

В сказке наглядно и слышно чудесное жизни, на скованный деловой глаз — чепуха. И только освобожденный детский глаз увидит и расслышит, и не усумнится в правдивости «вздора».

Все, что движется — ходит, ползает и летает, обречено: довлеет горбом забота, беззаботно — только прикрепленное корнем.

Забота застит. Куда там замечать кроме пути — дорваться.

*

Сказки передаются по памяти. В складе сказок ряды формул или сказочная обрядность. Но с чьею-то глаза и слова творчество всегда лично и немисливо сообща.

Я только внимательный, сказываю, распространяю, углубляю сказанное своей внимательностью. А есть такие, им не надо ни книжных записей, ни устной передачи.

Таким сказочником я назову сказочницу Наталью Кудрянскую.

Появление из глобуса глобусного человечка — мечта шестилетней Дикси — это чудесное — правда жизни.

Глазами в вечность я спрашиваю Э. Т. А. Гофмана² и Жан Поля³ и слушаю голос — ответ Э. Т. А. Гофмана и Жан Поля:

— Да.

Да, повторяю уверенно и с отзвуком.

Я не раз в этой жизни своей своим желанием видел воплощение своей мечты вдруг. А это было у <1 слово скрыто кляксой> моей жизни, испытанней всех <1 слово нрзб.>, тверже устоев на моем пути испытаний.

*

Художник Федор Степанович Рожанковский,⁴ милующий зверя и змей,⁵ изобразил меня в Глобусном духе.

Глядя на картинки, я узнаю себя, как сновидение моего сна, и это дает мне право, расставаясь со сказочницей, сказать, ответить ей на ее «прощайте»:

— Вы — единственная из всех моих современных спутников последних лет моей жизни, Вы смотрите на мир «умными» глазами и словом оживляете призраки сновидений, Ваша доля, — отмеченная невечерним светом.

31. VIII. 1955.

¹ Над заглавием: «Глобусный человечек». Справа — вертикальная черта и вариант заглавия: «Вдохновенное соображение».

² Гофман Эрнст Теодор Вильгельм Амадей (1776–1822) — немецкий писатель-романтик, композитор, художник.

³ Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (псевд. Жан Поль (Jean Paul), 1763–1825) — немецкий прозаик, критик.

⁴ Рожанковский Федор Степанович (1891–1970) — художник-график, иллюстратор.

⁵ На полях вариант: «милует зверей и гадов».